

ЛАЙЗА ФОКС

РАЗВОД

НЯНЬКА БОЛЬШЕ
НЕ НУЖНА

Лайза Фокс
Развод. Нянька
больше не нужна
Серия «Сибирская любовь.
Растопи моё сердце»

*<https://litres.ru/74597937>
SelfPub; 2026*

Аннотация

На поминках родителей лучшая подруга призналась, что ждёт ребёнка от моего мужа. Тринадцать лет я была женой вдовца и нянькой чужим детям. Пекла сырники, гладила рубашки, возила девочек на кружки и думала, что у меня хорошая семья. Но ошиблась.

Девочки сказали: «Ты нам никто». Свекровь добила: «Он из тебя вырос». А неверный муж вышвырнул меня, как использованную вещь с билетом в сибирский город без денег и желания жить.

Но в аэропорту меня заметил статусный владелец хоккейного клуба. У этого молодого красавца брали автографы, а я не знала, что делать с жизнью и задержкой рейса. Но он взял за руку и увёл меня в бизнес-зал со словами: «Девушка со мной».

Я больше не верю мужчинам. Простые женщины под сорок бизнесменам не нужны. Но что делать, если дерзкий Борис Брандт не отступает и смотрит так, что моя ледяная броня дрожит?

И я боюсь, что не смогу ему противостоять.

Содержание

Жизнь продолжается	5
Новости	11
Нянька больше не нужна	16
Я всё предусмотрел	23
Он из тебя вырос	28
Аэропорт	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Лайза Фокс

Развод. Нянька больше не нужна

Жизнь продолжается

Я убрала с кружевной салфетки на тумбочке свою свадебную фотографию. Снимок был сделан почти тринадцать лет назад в ЗАГСе. Я стояла с букетом в удобном брючном комплекте. Пашу, одетого в единственный серый костюм, облепили его дочери.

Четырёхлетняя Кристина вцепилась в брючину, а зарёванная Злата сидела, прижимая к себе куклу, у отца на руках. На фотографии хорошо были видны слёзы и взгляд исподлобья на чужую тётю, которой я для них тогда была. И Дашка-свидетельница рядом.

Никто о таком не мечтает, но в двадцать пять я вышла замуж за вдовца. Мама пожелала мне большой дружной семьи. И теперь она у меня была. Только повод собраться за столом был траурным.

На место свадебной фотографии я поставила снимок родителей и бабушки с чёрной лентой в нижнем уголке. Он

был сделан перед самым ковидом. Последняя. На столе уже ждали гостей кутья и холодные закуски. Всё по домашним рецептам, ничего покупного.

Мама с бабушкой были бы рады.

Сначала сообщение прислала Злата: «Останусь после учёбы на фотосессию для альбома». Я убрала её тарелку. Потом прилетело Пашино СМС: «Задерживаюсь. Начинайте без меня». Следующими в субботней пробке застряли Кристина со свекровью. Их тарелки я оставила. Когда приедут, тогда и приедут.

Ровно в двенадцать затрезвонили в дверь. Я кинулась ко входу и обмерла. На пороге стояла Даша в ярко-красном платье. Моя верная подруга и свидетельница со свадьбы. Она порывисто меня обняла, скинула туфли у входа и двинулась в столовую.

Я выровняла обувь и кинулась следом за подругой. Та бросила стильную дорогую сумку на соседний стул. С гулким стуком поставила на стол бутылку шампанского и уселась на моё место по левую руку от места Павла.

Обычно гости располагались дальше. Но двигать Дашу в такой момент я не решилась. А вот за шампанское высказала:

— Ты зачем с такой бутылкой? Поминки же.

Дашка метнула в меня резкий отчаянный взгляд.

— Надо жить, Тань!

— Надо. Но в жизни случается и такое. Мои умерли, —

я качнула головой в сторону фотографии с траурной лентой.
— Вспомним их, поедим — и снова будем жить как жили.
Дашка обвела взглядом пустой стол.

— Остальные где?

— Задерживаются. У Златы фотосессия на выпускной альбом. Им запороли общий снимок. Сегодня переделывают. Кристина с Ниной Кантемировной в пробке. Паша занят.

По идеально откорректированному косметологом лицу скользнула гримаса, больше похожая на судорогу.

— М-да. Паша занят. — Подруга замерла на несколько секунд, а потом рубанула: — Выпьём!

Схватила шампанское и зашуршала фольгой. Я вскочила, взяла вазочку с кутьёй. Посмотрела на фотографию. Бабуля опиралась на папину руку. Мама, как всегда, улыбалась. А папа смотрел в вечность. Иначе не скажешь.

Рука моя предательски дрогнула. И ложка, задев край вазочки с кутьёй, издала противный скрежет. Даша скривилась. Ловко сняла фольгу и открутила проволоку со странным незапоминающимся названием.

Было видно, что шампанское она открывает не в первый раз. Но сейчас в её движениях была какая-то отчаянная бравада. Словно она могла разрыдаться и засмеяться одновременно.

У меня в душе горело от чувства потери. От того, что раньше было просто болью, а теперь отзывалось настоящим гулким словом «сирота». Ощущением тотального ледяного

одинокчества.

Но я старалась сдерживать слёзы. Плакать даже при Даше? Неловко как-то. Папа бы не одобрил. И бабушка бы осуждающе покачала головой. Потом поплачу. Закроюсь в ванной и пореву. А Дашке можно и сейчас. Она порывистая.

Подруга откупорила бутылку и налила шампанское в бокалы для сока.

— Я не буду, — отодвинув свой бокал, сказала я. — Повод нерадостный.

— У кого как, — с горьким смешком ответила Даша.

Мне стало неприятно.

— Люди умерли. Кому от этого хорошо?

Даша несколько секунд сидела, обхватив двумя ладонями бокал с шампанским. Смотрела невидящим взглядом на пузырьки. А потом резко на меня посмотрела. И этот взгляд я ощутила как удар. Даже сердце замерло.

— А почему мы всегда говорим о тебе, Тань? Почему ты думаешь, что сегодня нет повода праздновать?

Мне стало ещё противнее. На душе заскребло так, что захотелось сбежать из столовой на второй этаж дома и запереться там.

— Потому что это поминки, Даш. Говорить будем о моих родителях.

— А обо мне? — с вызовом спросила Даша. — Почему ты не спросила, что творится в моей жизни?

Я была ошарашена. Мы никогда не ругались с Дашей по-

настоящему. Она была вспыльчивой, но я сглаживала углы. А сейчас я не могла уступить подруге. Устраивать конфликт на поминках моих родителей было слишком, даже для подруги.

— Потому что это поминки. — Я постаралась не повышать голос, но ответить с нажимом. — И это повод вспоминать ушедших, а не говорить о присутствующих. Если не можешь терпеть, скажи, что у тебя случилось, и начнём поминать.

— У нас! У нас случилось, Таня! — почти выкрикнула Даша. — Я жду ребёнка! Я беременна! У меня будет малыш! Жизнь продолжается!

В груди запекло. Я разрывалась от радости за подругу, злости на неё за устроенный на поминках демарш. А ещё от зависти. Ведь мне почувствовать радость от рождения собственного ребёнка не удалось ни разу.

Паша маниакально следил за контрацепцией. Перед глазами пронесли пункты в ежедневнике мужа: «Заменить спираль». Малыши подруг и знакомых. Огромный живот классной руководительницы Кристины.

Даша от переполняющих её эмоций подскакивала на стуле, и я видела из-за её плеча суровый взгляд отца на фотографии с чёрной траурной рамкой. Он смотрел в вечность, где был Дашин пока ещё не рождённый ребёнок.

Преодолевая боль, я ответила:

— Поздравляю тебя, Даша. Это прекрасно. Только почему

эта радость «у нас»? — автоматически уточнила я.

Лицо Даши стало ехидным. Она покачала пустым бокалом и с улыбкой презрительного превосходства припечатала:
— Потому что я беременна от твоего мужа!

Новости

Вазочка с кутьёй выпала из моих рук. Упала на тарелку. Хрусталь рассыпался на мелкие кусочки. А фарфор от удара раскололся на две половины с неровными острыми краями. И поверх этого лежал рис с крупными тёмно-фиолетовыми изюминами.

Сердце зашлось в бешеном ритме. Мне хотелось встать и выставить Дашку из дома. Но у меня кроме неё и мужа больше никого не было. Поэтому я несколько раз медленно вздохнула под горящим взглядом подруги.

— Плохая шутка, Даш. Совсем не к месту.

Я встала, чтобы убрать осколки. Но Дашка меня одёрнула.

— Да сядь ты уже! Успокойся! Перестань мыть и убирать. Это правда! Я жду ребёнка. Отец — твой Павел.

Это было сказано таким тоном, что я моментально поверила. Ноги подкосились, и я медленно, как в кино, стекла на стул.

— Что ты сказала?

Даша приосанилась, словно набираясь уверенности. Чётко, как будто разговаривала с подчинёнными в офисе, отчеканила:

— Я беременна от твоего мужа. У нас с ним будет ребёнок.

Мир изменился за одну секунду. Словно из зрительного

зала я поднялась на сцену и увидела, что замок принца сделан из картона, а мир, сияющий на горизонте — нарисован красками и не существует.

— И когда у вас с ним началось? — спросила я.

Мне не было интересно. Просто я на ощупь пыталась почувствовать реальность. Не картонные декорации, а настоящую жизнь, о которой я не имела никакого представления.

— Года два назад. Может, больше. Паша открывал новый офис. Ему понадобились услуги ивент-агентства. Я разработала для него целую программу.

Глаза Даши подёрнулись мечтательной поволокой. Она говорила, покачивая бокалом, словно дирижировала невидимым оркестром воспоминаний. И во мне они тоже зазвучали. Заплакали мелодиями обмана, зазвенели осколками разбитой жизни.

— Ты, как всегда, возилась с девочками. Ни на репетицию не приехала, ни на само открытие.

— Злата заболела краснухой. У нас был карантин.

— Да как всегда! У тебя вечно то понос, то золотуха. То репетиторы, то стоматолог с брекетами для Кристины!

— Это семейная жизнь. В ней всякое бывает.

— Семейная жизнь — это быть рядом с мужем. Интересоваться, чем он живёт, радоваться его успехам, поддерживать!

Она горела от праведного гнева, а я словно падала в яму отчаяния, отдаляясь. И оттуда видела фальшь и наглость

предательства.

— И ты решила помочь несчастному мужу, оставшемуся без внимания жены?

Даша вскинула подбородок. Она явно не заметила сарказма. Поэтому ответила запальчиво:

— Так всё и было! Павел стал крупным бизнесменом. Ты бы видела, как перед ним лебезили те, кого ты по телеку видишь. А потом он возвращался домой и видел тебя: без укладки и макияжа, с обрезанными под корень ногтями, в домашней одежде, которой давно место на свалке!

— Убирать и готовить в такой удобнее всего.

— Да ты и стала горничной! А у него масштаб, контракты, прибыль!

Дашины глаза горели. Но в них я видела не восхищение успехом талантливого бизнесмена, а зависть.

— И ты, — теперь на раскрасневшемся лице Даши отразилось презрение. — Клуша на хозяйстве. Кухарка, прачка и гувернантка. А кому в двадцать первом веке нужны борщи? Их в любом ресторане по меню пятнадцать вариантов. Мужьям сейчас нужны женщины!

— Такие, как ты?

— Конечно! Это ты понаехавшая, а я и родилась в Москве, и образование хорошее получила.

— Мы одноклассницы. Ты тоже учитель биологии и химии.

— Педагог! Но у меня ещё и школа московская. И потом я

не сидела дома в трениках. Я открыла ивент-агентство. Ста-
ла бизнес-леди!

— И что же твоему Лёше это не понравилось?

— Потому что ценить не умел! А Павел в восторге! Ему
именно такая жена нужна, на которую и самому приятно
смотреть, и другим не стыдно показать. А не паучиха, пле-
тущая свои бесконечные мещанские салфетки и утирающая
детям сопли.

Я смотрела на бывшую теперь подругу, и внутри звенело:
я теперь одна. На всём белом свете. Даша пришла в мой дом
и забрала его у меня. Теперь в её откорректированных бро-
вах и наращенных ресницах я видела фальшь фарфоровой
куклы.

Смотрела на подкачанные губы и подтянутый овал лица и
думала, что так же постепенно, как менялся её облик снару-
жи, подруга трансформировалась внутри. И жизнь мою за-
одно тоже подтачивала, как червь.

От Дашиных слов в голове гудело. Но она и не собиралась
замолкать:

— Я дождусь Павла, и мы всё обсудим.

— Снаружи.

— Что? — не поняла Даша.

— Подождёшь снаружи. Любовницу мужа я принимать не
намерена. Так что давай, выметайся отсюда.

Даша несколько раз, не веря, хлопнула ресницами.

— Да ты что? Сейчас обсудим всё, как цивилизованные

люди. У тебя ж никого нет. Ты здесь понаехавшая без друзей. Я на твоём месте держалась бы за нас.

А у меня внутри до боли стало холодно.

— Нет друзей, и ты не подруга, а любовница мужа. И ты ещё окажешься на моём месте, Даш. Тебе там не понравится. Так что давай на выход.

— Чокнутая! — выпалила Даша.

Она вскочила на ноги. Подхватила сумку и выскочила из дома, громко хлопнув дверью. А у меня не было сил ни на то, чтобы убрать осколки, ни чтобы поставить еду в холодильник.

Я просто сидела и ждала. И когда начало смеркаться, в комнату вошёл Павел. В светлом костюме и с тёмным взглядом. Привычным жестом он ослабил галстук, и я увидела, что на его руке уже нет кольца.

Несколько секунд я разглядывала полоску на его пальце. Она белела как шрам, оставшийся после нашего брака. А потом тоже сняла кольцо.

Оно выскользнуло из ладони и звякнуло об пол. Но никто и не подумал его поднимать.

Нянька больше не нужна

Павел включил свет. Я зажмурилась с непривычки. А когда открыла глаза, он с шумом отодвинул стул и уселся напротив. Осмотрел стол и поморщился, словно увидел не приготовленную с любовью еду, а что-то противное.

Потом взял бутылку с шампанским и сделал несколько глотков из горла. При этом в его волнистых короткостриженных тёмных волосах блеснула седина. Щетина, пробившаяся к вечеру, тоже не везде была чёрной.

Я смотрела на мужа и не узнавала его. Волевой подбородок, карие глаза, нос с горбинкой. Мне казалось, что я хорошо его знала. Но сейчас передо мной сидел чужак, который пил шампанское на поминках.

У меня было чувство, что это кино и так не может быть. Со мной не могли так поступить. Но в лице Павла раскаяния не было. Он тоже разглядывал меня: короткую стрижку-каре, чёрное свободное платье, руку без маникюра и кольца.

Заговорил собранно, по-деловому:

— Даша беременна. Ребёнок должен родиться в браке. Поэтому давай поскорее решим вопрос с разводом и не будем устраивать разборки.

Мне стало холодно под его взглядом, и я поёжилась.

— И ты не хочешь попробовать сохранить брак?

Мой голос в огромной комнате прозвучал тихо и жалобно. Как у нищенки, просящей подаяние.

— Нет, — отчеканил Павел. — В этом нет никакого смысла.

— Почему?

Муж посмотрел на меня так, как разглядывал совершенно неподходящий костюм. Без капли сожаления или сострадания. Как на ненужную вещь сомнительного качества. И у меня внутри заняло от отчаяния. А Павлу было всё равно.

— Нам незачем продолжать эти отношения. Дети выросли и вполне самостоятельны. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Нянька больше не нужна.

Эти слова хлестнули наотмашь. Я качнулась назад. Прижалась к спинке стула. Дрожала от ощущения внезапной потери и догадки, которая выжигала меня изнутри.

— Ты меня больше не любишь?

— Не люблю.

Так просто и беспощадно. Так безразлично! А внутренняя жалящая пружина продолжала ранить, сжимаясь в тугий узел.

— А любил?

Павел дёрнулся как от удара. И я всё поняла сама. Без единого слова. За тринадцать лет я научилась различать его эмоции и потаённые мысли. Я не могла проморгать момент, когда он разлюбил. Я бы увидела.

Но если любви не было с самого начала, то и почувство-

вать это было невозможно. Я горько усмехнулась. Павла это выбесило. Он качнулся вперёд, опершись на стол. Заговорил резко, зло выплёвывая слова:

— А что ты хотела? Ирина сгорела за месяц. У меня на руках остались Кристинка со Златой. Бабушки помогали, но и втроём мы не справлялись. А у меня на работе начало получаться. Надо было пахать, а я засыпал на ходу! Что мне было делать?

— И ты решил найти бесплатную няньку?

Павел раскачивался на стуле, как зверь перед прыжком: примерялся, прицеливался, ловил лучший момент.

— Представь себе! Денег на наёмный персонал не было. И как оставить с чужим человеком дочерей? Как бы с ними обращались? Я просто не мог этого позволить! Но и выхода не видел.

— И как же выкрутился? — спросила я севшим голосом.

— Случай помог. Везёт тем, кто везёт. Я пришёл выступить перед студентами. Подслушал разговор двух деканов. Ваш хвалил свою лаборантку. Говорил, что такая аккуратная, что всё аж блестит. И скромная, и толковая. Хорошо, что иногородняя. Только общежитием и удаётся её удержать. Если бы его сын был постарше, познакомил бы. Невестка будет золотая. Дома чисто, и дети ухоженные.

Муж говорил обо мне так, словно рассказывал о выборе кухонного комбайна. О бездушной вещи, которая должна была подойти к хозяйству. Обеспечить нужный уровень

комфорта за небольшие деньги. Но я живая!

— И твоё появление на кафедре не было случайным?

Я не узнавала свой хриплый тихий голос, но не сдавалась.

— Нет. — Павел замер и откинулся на спинку стула. — Я попросил провести экскурсию по кафедре. Искал тебя. А потом обрадовался, что ты нормальная. Не королева красоты, но вполне симпатичная. Я не спал следующую ночь — у Кристины что-то болело, и Злата тоже буянила. А потом купил букет и пошёл на кафедру.

Я прекрасно всё это помнила. И экскурсию. Павел — молодой бизнесмен, восходящая звезда. Он откровенно на меня пялился. Не сально, а как на экспонат в музее. Мне даже это польстило.

И наутро явился с букетом и роллами, которые я ела два раза в жизни. И ухаживал так пронзительно. Я же чувствовала, как в нём всё звенит! Видела светящиеся глаза. Этого не могло не быть!

— Паша, но ведь ты был счастлив! — Я пыталась разглядеть в его глазах отблески любви. — И когда мы ходили на свидания, и когда ты делал предложение. Я помню! Ты с таким чувством меня целовал в ресторане, что вокруг не только хлопали, но и кричали: «Тише-тише, молодёжь. Не здесь!». Это не могло быть наиграно!

Муж посмотрел на меня с таким видом, словно я не могла понять самое простое правило: «дважды два — четыре» или «жи-ши пиши через и». Ему надоел разговор, но он хотел,

чтобы я выучила урок. Поняла и отстала.

От этого на душе стало ещё больнее. Мне казалось, что сердце вырывали из груди наживую. Без малейшей попытки обезболить или смягчить расставание. Резали раскалённым ножом без жалости.

— А я и был счастлив, Таня! Сначала потому, что ты неизбалованная. Купил букетик — вау. Принёс суши — полный восторг. И кафе для тебя были ресторанами, и лодка яхтой. Ты не капризничала и всему радовалась при очень скромном даже по тогдашним меркам бюджете.

Он задумался. Его тонкие губы изогнулись в подобии улыбки. Даже глаза потеплели.

— И потом ты тоже был счастлив! После свадьбы ты просто сиял. Про это говорили и сослуживцы, и Нина Кантемировна.

— Был! Конечно же был счастлив! Таня, а ты что хотела? Я впервые после похорон начал высыпаться! Впервые! Понимаешь? Я тупо начал фокусировать взгляд, а на переговорах — понимал смысл проблем клиентов и аргументов конкурентов. Я начал высыпаться! И за это готов был носить тебя на руках.

— Но ты обо мне заботился! Купил машину, сказал, что я могу не работать даже как репетитор.

— Конечно! Мне не нужны были твои копейки — только бы дети не болели, не орали и не отвлекали меня от работы. Ну не придумывай ты. Не любил я тебя. Ни одной минуты

не любил.

Я никак не могла в это поверить. Принять, осознать реальность происходящего. Ведь это не могло быть правдой.

— А секс, Паш? Он же у нас был всегда! Даже на прошлой неделе. Хороший!

— Ты ещё скажи — «качественный». Ну, или «надёжным и проверенным» его назови.

А потом он так на меня посмотрел, что я поверила. И в беременность от него Даши. И в то, что ни секунды не вызывала в нём любви. Догадка полоснула меня резко, как вспышка молнии.

— У тебя были другие? В смысле, кроме Даши?

Павел спокойно ответил:

— Да. С первого дня. Командировки и сменные костюмы в офисе хорошо скрывали следы. Да и ты была теперь такой замученной с детьми, что не замечала. А потом привыкла, что у нас так заведено. Это не вызывало вопросов.

— А зачем ты тогда со мной спал?

— Чтобы у тебя была уверенность, что всё это серьёзно.

— А почему поддержал заморозку яйцеклеток, если не собирался заводить со мной детей?

— Это тоже просто, Тань. Так у тебя было не просто «я не хочу, чтобы ты рожала». У тебя появилась уверенность, что мы просто переносим. Сдвигаем немного. Ты была спокойной и домовитой. Дотраханной и с уверенностью в завтрашнем дне.

Я замерла. Уставилась на разбитую вазочку с кутьёй на треснутой фарфоровой тарелке. Всё было неправдой. Ложь пропитала наши отношения с самого начала, и вариантов вырваться из неё без потерь не было. Только окончательный разрыв.

— Давай разводиться и делить имущество. «Строймаш Техносервис» принадлежит нам в долях 50 на 50. Как будем расходиться? Только не говори, что это займёт следующие десять лет и надо потерпеть.

И вот тут в лице мужа появились эмоции. Но не злость или ярость от покушения на его империю. Его тонкие губы тронула высокомерная презрительная улыбка. Он снова навалился на стол локтями и усмехнулся.

— Ты снова ничего не поняла, Тань. Ты выйдешь из этого брака с тем же багажом, с которым в него пришла из общезжития. Расходиться мы будем быстро, потому что у нас нет никакого совместно нажитого имущества. Нам с тобой нечего делить.

И я почувствовала, как меня пронзил холод его ледяного взгляда. Нечего делить.

Я всё предусмотрел

И снова я не могла поверить ни единому слову мужа. Просто потому, что ТАК нельзя было ошибиться в человеке. Мне казалось, что я замужем за заботливым мужчиной, который продумывает моё будущее.

А оказалось, что он всё это время только имитировал любовь, влечение и заботу. Делал вид и выдавал себя за другого, за порядочного человека. А на самом деле он сразу строил декорации для моего обмана.

Встав из-за обеденного стола, накрытого для поминок, я едва не рухнула на пол. Ноги затекли, и мне сложно было идти. Но Паша ни на секунду не остановился. Не поддержал и не подал руки. Он двинулся в сторону кабинета.

Сдержав рвущийся от боли и унижения стон, я растёрла ноги и пошла следом. Получалось неровно, и я была рада, что Паша ни разу не обернулся. Не хотела выглядеть перед ним жалко.

Откуда у меня эта странная гордость? Даже когда я подрабатывала лаборанткой на кафедре, не позволяла студентам меня оскорблять. В моих аудиториях и лабораторных комнатах был идеальный порядок. Иногда меня уважали больше, чем преподавателей.

Поэтому днём я работала в школе учителем, а вечерами мыла пробирки, чтобы жить в общежитии. Но и тогда, и сей-

час не собиралась склонять голову. Особенно понимая, что сейчас я снова стану нищей. Вернее, опять это пойму.

В кабинет Павла я уже входила с идеальной осанкой и готовностью к худшему. Там пахло деревом, а классический интерьер тёмного дуба делал его похожим на комнату министра начала прошлого века.

Муж открыл ящик шкафа и вынул оттуда чемоданчик со множеством вшитых в него, как конверты, отделений. Сел в кресло возле рабочего стола. кивнул мне на место напротив. А я не стала отказываться.

А потом передо мной легли отпечатанные листы, которые мы с мужем подписали сразу после свадьбы. Уставные документы нашей общей компании. Документы о регистрации. Какие-то решения. Но владельцев было два: я и Паша.

— Ещё не поняла?

Я подняла на мужа взгляд и отрицательно качнула головой.

— Читай название компании.

— ООО «Строймаш Техносервис».

— Отлично. И эта компания принадлежит нам с тобой в долях 50 на 50.

— И в чём тогда проблема?

— В названии. Вернее, в его написании. Мы с тобой владеем компанией ООО «Строй тире маш Техносервис». И она не осуществляла никакой финансовой деятельности. Ничего не покупала, не продавала, не строила и не брала в арен-

ду. Она не нанимала сотрудников. То есть не имела никакой прибыли. И она ничего не стоит.

Холод внутри превратился в лёд вечной мерзлоты. Он звенел, как разбитое стекло. Я уже понимала, что Павел вёл дела так, чтобы у меня ничего не осталось. Чтобы я ушла из его дома голой. Но не могла понять — как именно.

— А основную деятельность ведёт ООО «Строймаш» слитно, а вот «Техносервис» — через тире. На слух одинаково, а компании разные. И второй владеет Шапошникова Нина Кантемировна. Вернее, не совсем так, но тебе не нужны хитросплетения. Главное, что по закону прибыль её.

Я смотрела на устав второй компании, который Павел положил рядом с первым, и не верила своим глазам. Потянулась к документам, но муж ловко выхватил их у меня из рук. И рассмеялся. Нехорошо так. Издеваясь.

Боль в груди не прекращалась. Там пекло так, что хотелось выпить ледяной воды. Но вместо этого я посмотрела мужу прямо в глаза.

— Бесполезно, Тань. Ты ничего не можешь сделать. Тем более что это ксерокопия.

— Да я и не собиралась портить документ. Я хотела посмотреть на дату.

Павел удивлённо хмыкнул.

— А ты соображаешь. Не ожидал от тебя. Думал, что твои мозги заняты оладьями и дезинфицирующими салфетками. Во мне всколыхнулась ярость.

— Я делала много разного. И планировала обучение детей, и вела хозяйство. Занималась лечением твоей матери и твоим, между прочим, тоже. И это было совершенно не легко! И я была тебе женой, а не наёмной гувернанткой и домоправительницей. И хочу получить половину от имущества!

— А его нет, Тань. Ни у тебя, ни у меня. Всё оформлено на маму или Кристину. У нас с тобой к ним никаких имущественных вопросов нет и быть не может. Я проконсультировался с юристами неоднократно. Можешь не сомневаться.

— Это не может быть правдой!

— Может. Смотри сюда.

Павел взял в руки телефон. Зашёл с госуслуг на сайт налоговой. Открыл раздел «имущество» и показал мне экран. Там не было вообще ничего. Ни машин, ни квартир, ни шале в горах, ни виллы на побережье.

— Можешь зайти к себе и посмотреть. Имущество там и должно быть.

Я механически повторила манипуляции на своём телефоне. А вот у меня на балансе была квартира. Трёшка в Сибири, доставшаяся в наследство от сгоревших от ковида родителей.

На глаза навернулись слёзы. Мне стало тяжело дышать. Хотелось ослабить ворот платья, но застёжка-молния была на спине. Я попробовала оттянуть горловину сильнее. Но Паша сморщился, словно укусил лимон.

— Давай без попыток разжалобить. Ты хорошо работа-

ла обслугой, я за это хорошо платил. Ты жила в отличных условиях, ходила в лучшие рестораны. Ездила на лучшие курорты. Тебя даже трахал миллионер, — улыбнулся он своей шутке. — Честно говоря, ты того не стоила, но уж ладно. Считай, что от щедрот душевных тебе отсыпал. По-свойски.

Я посмотрела на мужа, превратившегося в чужого человека за сегодняшний день. А он, став мгновенно серьёзным, отчеканил:

— Тебе на сборы один день. Пустая компания с уставным капиталом в десять тысяч рублей должна делиться поровну. Но чтобы ты не думала, что я жмот, вместо пяти тысяч я тебе дам два МРОТа. Это, я считаю, щедро. Ну и билет тебе на родину куплю. А если дёрнешься — уничтожу. У меня деньги, связи, юристы. А у тебя два МРОТа. Если хочешь жить — не трепи нервы. Подпиши заявление и уезжай подальше. Ты нам больше не нужна. Ни мне, ни тем более детям.

Он из тебя вырос

Свекровь приехала в тот момент, когда я уже замучилась утрамбовывать два чемодана, и вещи из них выпадали прямо на пол. А потом, совершенно обессилив, села рядом. И это я ещё не начала упаковывать одежду.

Нина Кантемировна даже дома не сняла туфель. Поднялась на второй этаж в нашу гардеробную. Присела на банкетку рядом со мной. Вздохнула.

— Ну что ты расклеилась, Таня?

Я посмотрела на свекровь удивлённо.

— А разве у меня нет повода?

Женщина на секунду сморщила нос и снова вернула на лицо отрепетированную «парадную» улыбку королевы-матери.

— Повод, конечно, есть. Развод всегда неприятен.

— Неприятен? Всего лишь неприятен? Как вы не понимаете? У меня жизнь рухнула!

И снова нос покрылся на секунду мелкими морщинками. Теперь свекровь смотрела на меня с мудростью учителя. И продолжила так же назидательно:

— Разве ты не понимала, что в последние годы всё к этому и шло? Дело не в Даше или ком-то ещё. В разводе виновата именно ты.

Это было для меня новостью и потрясло до глубины души. Каждая мать защищает своего ребёнка. Но свекровь всегда

меня поддерживала.

— Но почему, Нина Кантемировна? Я была хорошей женой.

— Плохой.

Я не могла поверить своим ушам.

— Почему плохой? Вы меня хвалили! И еда вам нравилась, и дома чисто. И дети всё время под присмотром. Чего Паше не хватало? Почему он выбрал Дашу?

Свекровь осмотрела мою футболку с вытянутым воротом и домашние безразмерные штаны. Скорбно поджала губы.

— Видишь ли, Танюша, Павлу нужна жена.

— Я была его женой.

Свекровь скривилась.

— Если ты подумаешь, то согласишься, что это не так. Ты только что сказала, что убирала, готовила и присматривала за детьми. Разве это то, что делает хорошая жена?

— Конечно! Так люди и живут в семье.

— В каком возрасте? В девяносто? Павлу сорок! А ты велась себя как обслуживающий персонал. Нянька, гувернантка, уборщица и повариха. И, прости, пожалуйста, за откровенность, у тебя и фигура поплыла, как у работницы общепита. А ты даже не рожала, просто разъелась, Таня. А у Павла контракты, партнёры, встречи с семьями. И кого ему брать с собой? Тебя? Посмотришь в зеркало и скажи себе честно — это глупо.

Словно под гипнозом я уставилась на своё отражение. Из

бокового зеркала на меня смотрела уставшая, всклокоченная и уже далеко не молодая женщина. Полная, невзрачная, с растрепавшимся хвостиком каштановых волос на голове и затравленным взглядом.

— Но ведь это и есть семья. Если бы я не занималась детьми, то у меня было бы время на фитнес и косметологов.

— Это отговорки! У Даши бизнес, и она всё успевает. Всегда со свежим маникюром и накрашенная. А ты даже на мероприятия не делаешь макияж. Ленишься.

Во мне вспыхнул протест.

— Но дети и правда занимают всё время. До обеда я приводила в порядок дом, а потом кружки и репетиторы, да ещё уроки. И Паше то вещи к командировке подготовить, то привести их в порядок после приезда.

Свекровь смотрела на меня изучающе. В её взгляде не было ни вины, ни сострадания. Даже жалости она меня не удостоила. Рассматривала, как букашку под микроскопом. Удивлялась моей недогадливости.

— В командировки? Ты что, до сих пор ничего не поняла? У Павла бизнес в России. Ему не надо ездить ни в Турцию, ни куда-то ещё на конференции. У него всё в Москве. А на деловые встречи с партнёрами он уже давно начал брать Дарью. Она и разговор поддержать может, и выглядит как жена успешного бизнесмена. А ты уже давно стала обслуживающим персоналом.

— Но Паша не жаловался и не высказывал претензий!

Хвалил за всё.

Свекровь ухмыльнулась.

— А вот это правильно. Зачем ссориться с обслуживающим персоналом? В твоё отсутствие подчинённые должны быть преданными, а не плевать тебе в кофе. Тем более когда с ними остаются дети. Надо вести себя аккуратно и интеллигентно. Я его отлично воспитала. Он знает правила, и не разбрасывает, как девочки, одежду по дому. Блузка Кристины, между прочим, как всегда, валяется на диване в прихожей. А туфли Полины ни разу не были поставлены ровно. Могла бы и больше уделять этому внимания.

— Да они даже не мои дети! — выпалила я. — И претензия ко мне всего лишь в том, что они не ставят ровно обувь?

Свекровь поджала губы.

— Вот как ты заговорила? Уже и дети неродные. А что ж тогда пела о том, что и воспитывала, и возила на кружки?

— Потому что и воспитывала, и возила. А ещё лечила, кормила, учила. Да всё делала, что должна была выполнять мать. Но теперь и это вы низко оцениваете? И это было плохо?

Нина Кантемировна начала терять терпение. Её лицо начало гореть даже под слоем тонального крема.

— Это было хорошо — для обслуживающего персонала, который честно выполняет свою работу.

— Но я не нанималась ни гувернанткой, ни горничной. Я была женой!

— Ну чего ты от меня хочешь, Таня? Чего? — не выдержала свекровь. — Павел просто вырос из тебя! Посмотри вокруг. Хотя бы на одежду! Сын встречается с партнёрами по бизнесу, работает в современном офисе, возглавляет крупную компанию. Он занимается теннисом и ходит в фитнес-центр. У него есть хобби и возможность посещать премиальные курорты.

Всё это она почти кричала, тыча пальцами в офисные костюмы, смокинги, повседневную и спортивную одежду, которая была развешана по трём стенам гардеробной. А потом подошла к моим сиротливо висящим комплектам оверсайза.

— И этим ты хотела удержать успешного здорового мужика? Этим и грузчика не возбудить! Собирай своё «удобное» и лети в новую жизнь в Северной Азии.

— В Сибири.

— Я так и сказала. Там тебе место. Там люди проще, ты им подойдёшь. А нам перестань трепать нервы. Пожила хорошо с богатым мужем, вспоминай с благодарностью.

Свекровь развернулась на каблуках и пошла к выходу из гардеробной. У дверей остановилась и, поддев носком туфель кружево, которое не уместилось в чемодан, закончила:

— И не тащи с собой эти бабкины салфетки! Немолодая уже, но и не старуха же! А сидит, как паук, плетёт эту ерунду. Приди в себя, Таня, может, ещё и поживёшь нормально!

Аэропорт

Водитель Павла довёз меня до терминала молча. Даже не поздоровался. Ни слова не проронил ни когда грузил оба чемодана, ни в момент высадки. Смотрел на меня как на экзотическое животное и даже не попрощался.

В потоке людей меня с двумя чемоданами сразу оттеснили к самой дальней рамке для досмотра. Мы летали, когда смогли себе это позволить, бизнесом. Нас проводил специальный человек. Да и о багаже я не беспокоилась, только о детях.

Растерявшись, я примерялась, за что хвататься вначале и каким концом ставить на транспортировочную ленту. Но меня отодвинул в сторону молодой крепкий мужчина в куртке спортивного клуба «Сибирь...». Второе слово я не рассмотрела.

— Я помогу.

Он легко подхватил первый чемодан и поставил на ленту. А я отвела в сторону мальчишек лет двенадцати в такой же одежде, чтобы уберечь их от колёс тележки работника терминала.

По привычке выстроила подростков в цепочку перед рамкой. Мужчина внимательно смотрел на меня. Красивый. Лет на десять моложе Павла. Да что же я всех по нему меряю! Ничего, отвыкну постепенно.

Мальчишки галдели и пихали друг друга. Я их оттеснила по направлению движения пассажиров, а потом по одному затолкала через рамку досмотра. В это время мужчина в спортивной куртке, тренер, наверное, подхватил мои чемоданы с другой стороны транспортировочной ленты.

На меня он смотрел сдержанно-удивлённо. Я подошла ближе, чтобы поблагодарить за помощь, но мужчину облепили девицы приблизительно Кристининых лет.

— А можно с вами сфотографироваться?

— А дадите автограф?

— А когда вы будете выступать в следующий раз?

Они сыпали вопросами. Мужчина посмотрел на меня со сдерживаемой досадой. Я прижала ладонь к груди и одними губами прошептала: «Спасибо». Он кивнул мне в ответ и начал заговорил с девушками.

Значит, спортивная звезда. Логично. Он не был похож на тренера. Слишком мощный. Не только фигурой, этого у спортсменов хоть отбавляй. Этот держался так, словно был из высшего эшелона власти. Павел с такими общался.

Их выдавали стать и взгляд. Сразу понятно: этот всё решит сам. Без единой подсказки. Умный и хваткий. С неограниченными ресурсами. У тренера на это не хватило бы мощи. Чемпион в каком-то виде спорта? Владелец клуба?

Последнее было совершенно невозможно. Небожители летали бизнесом. А фигуру этого красавца с голубыми глазами я видела в очереди змейкой к стойке регистрации эконо-

ном класса.

Меня это взволновало. Может быть, потому, что я впервые летела одна. Или оттого, что теперь мне не надо было следить за детьми. А когда надо было сдавать багаж, он материализовался рядом. Легко подхватил чемодан и поставил на ленту.

Зачем?

Сердце тревожно ухнуло в груди. Теперь я благодарила незнакомца, стараясь поскорее от него отделаться. Меня тревожило присутствие рядом со мной незнакомого человека. Я отвыкла общаться с посторонними.

Незнакомец за мной не пошёл, и это меня немного успокоило. Я не обратила внимания, что он о чём-то переговаривался с регистратором, когда я направилась в зону досмотра.

Но на всякий случай забилась в самое дальнее кафе. Расстелила на липком столе салфетку с кружевным краем. Сверху поставила чашку пакетированного чая. И замерла без единой мысли в голове.

Несколько раз я чувствовала чей-то взгляд. Но оборачиваясь, никого знакомого в толпе не наблюдала. Может, Павел послал кого-то следить, чтобы я точно улетела из его благополучной жизни? А может, просто показалось?

Я делала крохотные глотки остывающего чая и думала, что жизнь кончилась. Расправила салфетку. Разгладила кружева по краю. Потом ещё и ещё раз. Я не знала, что мне делать. Совершенно не могла сосредоточиться.

Я прожила жизнь впустую. Растила неродных детей, которые даже попрощаться со мной не захотели. Поддерживала чужого мужа. И в свои тридцать семь осталась выброшенной на улицу.

Я физически чувствовала, что минута за минутой погружаюсь в омут отчаяния. Мне даже пожаловаться было некому. Родители умерли, а подруга увела мужа. И теперь я летаю в родной город... Чтобы что? Доживать там оставшиеся годы?

Ещё мгновенье, и я бы расплакалась. Но объявили о задержке рейса и переносе выхода на посадку. Я схватила салфетку, накинула на плечи куртку и пошла искать объявленный номер гейта.

Мне пришлось пройти весь аэропорт и спуститься по лестнице. Возле нового выхода на посадку не было ни единого не только сидячего, но и стоячего места. Людское море возбуждённо колыхалось.

Девушка за стойкой пыталась перекричать присутствующих без микрофона. Рейс задерживался на пять часов. Она предлагала воду со стойки перед выходом. Но у меня не было возможности протиснуться ближе.

Стоя у основания лестницы, я никак не могла решиться: уйти к ближайшему выходу на посадку, где будут свободные места, или остаться здесь. Девушка делала объявления, не включая микрофон. А без центральной связи я могла не услышать изменение информации о вылете.

Из размышлений меня вывел спортсмен, помогавший мне с багажом. Он тронул меня за руку и сказал:

— Пойдёмте.

Я ничего не поняла. Но толпа пришла в движение и качнулась в сторону лестницы. Спортсмен взял меня под руку и потянул вверх.

— Они вас затопчут, пойдёмте.

Мы быстро вернулись наверх. Я попыталась высвободить руку, но парень перехватил меня за ладонь и потянул сквозь толпу. Лавируя между людьми во встречном потоке, мы оказались у входа в бизнес-зал. Теперь я упёрлась намертво.

— Простите, вы ошиблись. Мне не туда. Мне...

Мужчина открыл дверь, и к нему тут же кинулась сотрудница аэропорта.

— Господин Брандт, место зарезервировано. Прошу вас.

— Нас двое, — ответил мужчина.

— Но бизнес-зал переполнен, — залепетала девица.

Я ждала, что мужчина отпустит мою руку. Но он очень спокойно ответил так, что и я, и сотрудница аэропорта поверили:

— Девушка со мной. Мы войдём только вдвоём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.